

Л. Н. СЕМЕНОВА

ДОКУМЕНТЫ НАЙМА РАБОЧИХ В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII века

Цель данной работы — привлечь внимание исследователей к некоторым источникам, не использованным при изучении вопроса о наемном труде в первой четверти XVIII в. В исследованиях по истории рабочего класса первой четверти XVIII в., посвященных в основном рабочим мануфактур, изучению подвергались законодательные акты, дела Сената, фонды Мануфактур и Берг-коллегий (регламенты, указы, разного рода донесения, ведомости, письма заводчиков и компанейщиков, поименные списки рабочих, контракты с мастерами-иностранцами, а также «сказки» рабочих). Документы частных фондов меньше привлекали внимание исследователей. В одном из таких фондов — в фонде Александро-Невской лавры¹ — мы и находим новые источники о наемном труде.

Александро-Невский монастырь был основан по указу Петра I в июне 1710 г. в Петербурге.² Созданный как центр церковной жизни только что отвоеванного края, находившийся под покровительством царя, Александро-Невский монастырь быстро занял среди монастырей России видное место. В ближайшие после основания годы к монастырю был приписан ряд вотчин с 39 521 человеком крестьян мужского пола.³ С 1712 г. началось строительство в Петербурге монастырских зданий. Кроме церквей, жилых и многочисленных служебных помещений на территории самого монастыря, строили подворье на Васильевском острове, кирпичные и гончарные заводы на Выборгской стороне. Все основные сооружения были каменными, больших размеров.⁴ Наибольшего размаха строительные работы достигли в 1718—1725 гг. В фонде лавры сохранился ряд документов, в которых отражено строительство монастыря и связанная с ним деятельность мона-

¹ ЦГИАЛ, ф. 815.

² С. Г. Рункевич, Александро-Невская лавра. СПб., 1913. Приложение, стр. 3, 17, «Надлежащее ведение о начале монастыря».

³ С. Г. Рункевич, ук. соч., Приложение, стр. 53, «Справка по истории Александро-Невского монастыря».

⁴ С. Г. Рункевич, ук. соч., стр. 100, 108.

стырских властей. Среди них встречаются документы, содержащие в себе сведения о применении наемного труда на строительстве (публикационные листы, договоры о найме, договоры о подряде, ведения о выдаче денег за работу, рапорты комиссарства строельных дел, табели о проделанной работе, пропуска для прохождения пути от Петербурга до места жительства, поручные и др.). Материалы лаврского архива до сих пор не привлекались исследователями для изучения вопроса о наемном труде.⁵ В настоящей работе мы рассмотрим три категории источников — публикационные листы, договоры о найме и челобитные о приеме на работу.

Прежде чем перейти к анализу самих документов, следует сказать несколько слов о системе делопроизводства, существовавшей в монастыре, ибо эта система в какой-то мере определила форму рассматриваемых документов. Всеми делами по управлению вотчинами и строительством ведала Александро-Невская монастырская канцелярия (называемая обычно в документах «Невской канцелярией»). Различные виды дел сосредоточивались в канцелярии у разных подьячих: «Дела по приказному обыкновению обретаются у подьячих в разных повытках и в разных столпах».⁶ С ростом строительных работ ведавший ими отдел канцелярии выделился в особое комиссарство («комиссарство строельных дел»). Комиссаром «к строению и на пильной мельнице для приема материалов и надзирания»⁷ в 1719 г. был назначен Козьма Карпов.

Ясно прослеживается стремление монастырских властей к созданию четкой системы составления документов. Мы не располагаем их указаниями относительно формы написания бумаг, связанных с наймом рабочих, но сохранились неоднократные указания, относящиеся к составлению других документов. Обращая внимание служителей на допущенные ими при этом нарушения правил, канцелярия или сам архимандрит Феодосий разъясняли, как нужно писать деловые бумаги. Например, вынося «осуждение» приказчику Середкому за его «дурачество» и предупреждая его от имени архимандрита, «чтоб такого дурачества впредь больше не было», канцелярия посылала ему указ, по какой

⁵ К фонду Александро-Невской лавры обращались три историка: П. Н. Петров (История С.-Петербурга с основания города до введения в действие выборного городского управления по учреждениям о губерниях. 1703—1782 гг. СПб., 1884) и М. Д. Приселков (Александро-Невский монастырь при Петре Великом. СПб., 1903), которые использовали материалы архива для изучения деятельности первого архимандрита монастыря Феодосия Яновского, а также С. Г. Рункевич, написавший к 200-летию монастыря книгу «Александро-Невская лавра».

⁶ Описание архива Александро-Невской лавры (далее — ОААНЛ), т. II. СПб., 1911, стлб. 602.

⁷ ОААНЛ, т. II, стлб. 1055.

форме приказчики должны составлять отписку: «Писать ко одному его царскому величеству, а других не приобщать, токмо подачу отпискам писать в Троицкий Александров монастырь господину Феодосию архимандриту с братиею... Надлежит писать о каждом деле особливою отпискою...».⁸ Стряпчему Присежкой канцелярии Екимову велено «впредь при отпусках в конце, которого числа отпущены будут, подписывать год и число и месяц».⁹ Капитана Збруева (управителя монастырских вотчин в Новгородском и Новоторжском уездах) архимандрит ругал за неверное употребление местоимений единственного и множественного числа «я» и «мы»: «Всякой глупец присволяет себе в названии... высокие титулы». Здесь же Феодосий разъяснял причины именованья высоких персон множественным числом: «Обычай есть великим судьям и духовным властям именоваться и писаться множественным числом, яко, вместо я, мы, вместо мне, нам, вместе от мене, от нас, понеже имеют товарищей, а духовныя власти братию; яко игумен или архимандрит не может писаться единственным числом я, но множественным мы, понеже имеет братию, яко товарищей; а у тебя нет ни товарищей, ни братии, а судья ты не великой, а пишешь к настоятелю, как к твоему конюху».¹⁰

Но несмотря на стремление к упорядочению делопроизводства, ни в самой Невской канцелярии, ни в комиссарстве строельных дел устойчивой формы документов в рассматриваемый период еще не выработалось. Одни виды документов, как увидим ниже, имели более установившуюся, более четкую форму, другие — менее. Итак, перейдем к рассмотрению названных выше категорий источников.

Публикационные листы представляли собой объявления о найме рабочих. Их рассмотрение интересно потому, что мы имеем перед собой, вероятно, первые дошедшие до нас документы подобного рода. Число сохранившихся в архиве листов невелико, относятся они к 1719—1721 гг. и дошли до нас в подлинниках (беловых и черновых) и копиях. Беловые листы написаны в канцелярии Невского монастыря и имеют подпись судьи Стефана Филипповича Головачева.¹¹ Черновики не имеют подписи, написаны с многочисленными поправками и сопровождаются припиской, в которой сообщается, что «таковы указы посланы... с розсылыщиком... и велено ему выставить» их.¹² Копии публикационных листов сохранились в донесениях приказчиков, которые писали о том, что приказ монастырской канцелярии о выстав-

⁸ Там же, стлб. 602.

⁹ Там же, стлб. 696.

¹⁰ Там же, стлб. 437.

¹¹ ЦГИАЛ, ф. 815, 1719 г., д. 10, л. 27 об.; 1721 г., д. 45.

¹² Там же, 1719 г., д. 171, л. 2 об.

лении листов ими выполнен и высылали копии тех листов, которые они составили и выставили. Так, А. Кондратьев писал: «А какие листы выставлены и с тех листов при сей отписке послал я копию».¹³ Если управители не высылали точной копии листа, то пересказывали его содержание в своих донесениях (донесения Разогина, Щепочева и др.).¹⁴

В Петербурге выставляли несколько листов. Их помещали у Литейного двора, у Невского монастыря и у Невского подворья (на Васильевском острове), на Морском и на Сытном рынках, у Почтового двора, «за Невую на площади у приказов», при Гостином дворе, у Адмиралтейства, в Аничковой слободе, в ямских Московской и Смоленской слободах. В вотчинах Невского монастыря листы выставлялись в крупных селах — Валдае, Боровичах, Яжелбицах, Рахине, Щучье и др. Невский монастырь выставлял листы и в «посторонних местах», например в Вышневолоцком и Крестецком уездах, в Новгороде у «разных церквей» и т. д.¹⁵ Кроме того, они выставлялись в тех местах, где велась определенные работы, — «у ломки белого камня».¹⁶ Рассмотрение мест, в которых выставлялись публикационные листы, позволяет говорить о том, что в 20-х годах XVIII в. наемных рабочих для строительства Петербурга искали не только в самом городе, но и далеко за его пределами, а это указывает на недостаток в столице наемной рабочей силы.

Публикационные листы имели форму указов. Характерно появление документа такого рода, который уже сам по себе свидетельствует о широком применении в монастыре наемного труда; в то же время отсутствие четкой самостоятельной формы документа — лучшее доказательство его недавнего возникновения.

Лист состоит из трех частей: первая — вводная — излагает, по приказу кого велено его «публиковать», вторая — само содержание листа и третья — удостоверительная. В первой части листа употребляется обычная формула указов: «велено» по указу Великого государя (полный титул) и по приказу архимандрита Феодосия (полный титул). Однако встречается и измененный вариант, в котором публикационный лист начинается со слов «В Невском монастыре по ведению архитектора Швертфегера у строельных дел объявлена многая столярная работа».¹⁷ И тем самым по форме документ начинает походить на объявление; но и тогда после этих слов снова повторяется приведенная выше формула указа.

¹³ Там же, 1720 г., д. 41, л. 3.

¹⁴ Там же, лл. 5—6.

¹⁵ Там же, л. 3.

¹⁶ Там же, д. 191.

¹⁷ Там же, 1721 г., д. 9, л. 6.

До нас дошли публикационные листы, по которым в монастырь требовались работники различных специальностей: каменщики, каменотесы, столяры, плотники, рабочие на возку камня и навоза, на ломку камня. Листы были краткими. Они содержали предложение работы: «ежели кто похочет», «мастеры... которые работать желают». Далее излагалось, на какую работу монастырь приглашал тех, «кто похочет», как ее надо делать, для чего она нужна и каков должен быть ее объем: «сделать щиты... и положить в брусья... удобным плотническим мастерством»;¹⁸ «зготовить в каменное строение на вставку и на смазку, в стены от фундаменту с наличной стороны из готовой аршинной и трех четвертной плиты в длину и в высоту сто сажень, в толщину в один ярус... тесать тое плиту и... разобрать по мерам»;¹⁹ «ставить навоз в новозаведенный монастырский сад с дворов своих или с посторонних свой хозяйской навоз или з большой дороги навоз же с песком и с грязью, огребая в кучи... в отдачу в кубические трехаршинные сажени».²⁰ Монастырь стремился детально оговорить, как должен будет взявшийся за работу выполнить ее. Например, если навоз будут ставить люди из Московской ямской слободы, то они должны поставить его «до разлития поды на берегу речки Черной против монастырского скотского двора, а по разлитии спровадить судами». Но в том же листе имеется формула, по которой тому, кто будет работать, предоставляется и самостоятельность: «А из протчих мест кому как удобнее ставит».²¹ В листах указывается срок работы: так, каменщиков нанимают на 4 месяца, с 1 мая по 1 сентября,²² тесать камень монастырь приглашал работников «в нынешнее осеннее и зимнее время».²³ Из листа мы узнаем и форму оплаты. Монастырь применял три формы оплаты: повременную (рабочим предлагалось «у тех дел работать из месячного найма»), сдельную («с камня», «с пуда», «с сажени») или подрядную («взять на подряд»)²⁴

Лист обязательно содержал формулу, в которой предлагал людям, которые «тое работу похотят взять», приходиться для заключения «вольного договора» или «подлинного договора» в канцелярию Невского монастыря или монастырское комиссарство стрельных дел. Документ, по которому работники будут приняты на работу, называется теперь «договором», а не «записью», как в XVII в. В черновике одного листа слово «запись» даже зачерк-

¹⁸ Там же, 1720 г., д. 230, л. 7.

¹⁹ Там же, 1719 г., д. 171, л. 1.

²⁰ Там же, 1721 г., д. 45, л. 1.

²¹ Там же.

²² Там же, 1720 г., д. 41, л. 1.

²³ Там же, 1719 г., д. 171, л. 1.

²⁴ Там же, 1721 г., д. 9, л. 6.

нуто и заменено словом «договор».²⁵ Договоры заключались письменные: «Оные б охотники для подлинного договору... явились к записке в Канцелярию Невского монастыря».²⁶ Рабочие монастырю почти всегда требовались срочно. Обычно лист завершался словами о том, чтобы «люди» явились «немедленно» или в «немедленном времени».²⁷

До сих пор речь шла о листах, выставленных в Петербурге. Листы же, выставленные в провинции, отличались от составленных в канцелярии монастыря многословием и бестолковостью, так как каждый управитель составлял публикационные листы сам, а навыка написания документов подобного рода управители не имели. Так, лист комиссара Кондратьева начинался следующим образом: «1720 года минувшего марта в 27 день в указе Великого государя (полный титул) из Канцелярии Невского монастыря оногo монастыря в вотчину Новгородского уезда в село Валдай к комиссару Кондратьеву писано. Минувшего ж марта 10 дня по его Великого государя указу и по приказу господина Феодосия архимандрита велено». Далее следует дословное содержание указа с сохранением совершенно ненужных в данном случае слов «в С.-Петербурге в удобных местах выставить листы».²⁸ В то же время публикационные листы, составленные в вотчинах, содержат ряд ценных для нас сведений. Они дают картину того, как происходил наем вольных рабочих в провинции. Желаящим наняться на работу предлагалось или идти в Петербург в канцелярию Невского монастыря, или, если они «за дальностью в С.-Петербурге без подлинного договору идти не похотят», заключать договор на месте у комиссара. Комиссар отсылал договоры «с нарочным без всякого замедления» в Петербург. В листе указывалось, что уговор должен устанавливать срок работы, размер и форму оплаты («на месяц или в деле потысячно»), сумму, выплачиваемую «наперед», поручителей за работников. На местах, как увидим дальше, составлялся такой же договор, как и в Невской канцелярии. Единственным условием, которого не было в договорах, заключенных непосредственно в Невской канцелярии, и которое особенно подчеркивали монастырские власти при заключении договоров в вотчинах, было то, чтобы «добрые и обычайные мастера» являлись потом «без переему», т. е., придя в Петербург, не нанялись бы к другому работодателю. Публикационные листы, как видим, свидетельствуют о большой заинтересованности монастыря в привлечении на строительство наемных рабочих.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же, 1721 г., д. 45, л. 1.

²⁷ Там же, 1719 г., д. 10, л. 32; 1720 г., д. 230, л. 8.

²⁸ Там же, 1720 г., д. 41, л. 3 об.

Публикационные листы содержат некоторые сведения о договорах, которыми монастырские власти оформляли наем работников. Рассмотрим сами договоры.

Заключение договора о найме при поступлении на работу было обязательным. Но, несмотря на то что в монастыре ежегодно трудились тысячи работников (например, в 1719 г. — 2034 человека,²⁹ в 1720 г. — 2475 человек³⁰) и многие из них были наемными, договоров сохранилось немного. Объясняется это утратой документов. Однако изучение даже того, что имеется, представляет значительный интерес, так как договор о найме рабочих в первой четверти XVIII в. — источник довольно редкий. Е. И. Заозерская в монографии «Рабочая сила и классовая борьба на текстильных мануфактурах в 20—60-х гг. XVIII в.» неоднократно отмечает, что в первой четверти XVIII в. письменные договоры о найме (контракты) почти не заключались.³¹ В единичных случаях можно встретить указания на заключение контракта с русскими мастеровыми людьми, но самих договоров, видимо, (так мы поняли Е. И. Заозерскую) не сохранилось.³² В фонде Александро-Невской лавры договоров о найме находится немного, но в большом количестве сохранился источник, позволяющий восстановить содержание договоров — ведения о выдаче платы наемным рабочим. Ведения писали на основании договоров о найме, иногда почти дословно переписывая договор. Поэтому мы будем обращаться и к ним.

Наибольшее количество подлинных договоров о найме сохранилось за март—декабрь 1721 г.³³ (от остальных лет до нас дошли лишь отдельные разрозненные акты). Это вовсе не означает, что в январе—феврале монастырь не нанимал работников; на основании ведений мы знаем об обратном.³⁴ Следовательно, до нас дошли договоры не за весь год, и нет оснований утверждать, что и за март—декабрь сохранились все договоры. Как бы то ни было, мы имеем за 1721 г. 49 договоров, оформивших на работу 891 человека. Уже сама эта цифра заслуживает внимания, так как показывает, насколько широко применялся на строительстве монастыря наемный труд. Следует упомянуть, что в том же 1721 г. значительная часть работ сдавалась на подряд, следовательно, опять-таки применялся наемный труд. Здесь мы рас-

²⁹ ОААНА, т. II, стлб. 1235.

³⁰ ОААНА, т. III, стлб. 416.

³¹ Е. И. Заозерская. Рабочая сила и классовая борьба на текстильных мануфактурах в 20—60 гг. XVIII в. М., 1960, стр. 149, 315 и др.

³² Там же, стр. 138.

³³ ЦГИАЛ, ф. 815, 1721 г., д. 28. Договоры о найме рабочих.

³⁴ Там же, 1720 г., д. 5. Ведения комиссарства строельных дел.

смотрим лишь акты, оформлявшие на работу людей, которые лично нанимались на строительство.

Договоры написаны на больших листах. Размер каждого акта от одного до трех листов. Заключались договоры в комиссарстве строельных дел; так как договоры написаны несколькими определенными почерками, то ясно, что писали их различные подьячие. Один договор написан в самой Невской канцелярии; он отличается от других актов тем, что в нем все пункты начинаются с красной строки и отделяются друг от друга значительным расстоянием.

По составу своему договоры однообразны. Первый пункт договора после даты содержал обозначения нанимателя и нанимающихся. Далее акт излагал условия найма, т. е. род работы, срок ее, оплату. После этого следовали клаузулы, устанавливающие ответственность нанявшихся за исполняемую работу. И, наконец, шла удостоверительная часть акта и последующие пометы канцелярии на нем.

Рассмотрение договоров показывает, что для обозначения нанимателя еще не сложилось единой формулы, но в то же время канцелярия монастыря стремилась к уточнению этой, как и других, частей договора. В формулах договора отражались изменения, происшедшие в управлении монастырем. Так, когда в 1719—1720 гг. возникло комиссарство строельных дел, которое стало ведать наймом работников, то летом 1721 г., вероятно, последовало распоряжение Невской канцелярии об изменении формулы договора. Характер отношений, укрепляемых актом, определяется в одних случаях термином «договорились», в других — «наняты».

Один договор оформлял на работу различное число людей: от 1 до 62 человек. В некоторых актах все работники перечисляются в тексте договора,³⁵ но в большинстве случаев в тексте указываются лишь имена десятских, а все остальные работники перечисляются в реестре, который следует за изложением условий работы перед удостоверительной частью договора. Нет никакого основания утверждать, что десятский приходил с готовой артелью, вероятно, она создавалась тут же при заключении договора.

Изучение реестров позволяет определить социальный состав работников, районы, из которых они приходили, иногда примерный возраст их, в некоторых случаях плату. Социальный состав работников, согласно употреблявшейся комиссарством строельных дел формуле, казалось, был всегда один — крестьяне. Формула эта гласила: «А кто имяно работники и чьи крестьяне и тому при сем договоре реестр», иногда она расширяется: «и которых

³⁵ Там же, 1721 г., д. 28, лл. 1—3, 27, 55—56, 57.

вотчин и чьи крестьяне».³⁶ На самом деле среди работников были представители и других групп населения, но крестьяне настолько преобладали, что в практике смогла утвердиться подобная формула.

Работники шли в Петербург из разных областей России. На первом месте по числу работников стоят, конечно, близкие к Петербургу уезды: Старорусский, Новгородский, Великолудский; потом уезды, по географическому положению примыкающие к Москве: Тверской, Бежецкий, Ярославский, Арзамасский, Ростовский и др. Шли на заработки в Петербург с севера, из Вологодского, Каргопольского, Белозерского уездов, приходили из вновь завоеванных городов — Риги, и западных — Смоленска. Среди нанимавшихся встречаются выходцы из отдаленных от Петербурга мест — Суздаля, Галича, Калуги, Казани, Н. Новгорода, Друи,³⁷ а также отдельные зарубежные выходцы и дети иноземцев.³⁸

Договоры, таким образом, подтверждают, что на заработки в Петербург в начале 20-х годов XVIII в. приходили люди с обширной территории. Новая столица с ее огромным строительством давала работу населению не только близлежащих, но и отдаленных областей страны.

Однако непосредственное и несомненное влияние строительство столицы оказывало на прилежащие к ней районы: из этих районов наблюдается очень значительный отход на заработки в Петербург. Так, из с. Валдай с деревнями Новгородского уезда нанялось на работу «с вольного договора» 186 человек. Жители этого села приходили на работу группами по 8—10 человек и в одиночку. Договоры упоминают валдайских жителей, крестьян, бобылей, крестьянских детей, служительских детей, каменщицких детей. Значителен был отход из Старорусского уезда. 131 человек из этого уезда нанялись в течение 1721 г. на работу в монастыре.³⁹

Среди крестьян, приходивших на заработки в Петербург, были крестьяне всех групп, но большую часть составляли монастырские крестьяне. Однако известно, что хотя духовное землевладение в тех областях, из которых пришла основная часть людей, нанявшихся на работу (Новгородская и Московская губернии), и было значительно развито, но дворцовых и помещичьих крестьян в этих

³⁶ Там же, лл. 35—37.

³⁷ Эти данные в основном совпадают с результатами статьи: А. Л. Шапиро. Крестьянские отходы и крестьянский наем в петровское время. Уч. зап. Ленингр. гос. пед. ин-та им. М. П. Покровского, т. V, вып. 1, Л., 1940, стр. 36.

³⁸ ЦГИАЛ, ф. 815. 1721 г., д. 28.

³⁹ Там же.

губерниях было все же в 3,5 раза больше.⁴⁰ Поспешно было бы делать определенный вывод на основании рассматриваемых договоров; можно лишь отметить, что в данном случае среди крестьян духовных владельцев отход на заработки был распространен сильнее, чем среди помещичьих и дворцовых крестьян. На работу приходили крестьяне, а также бобыли и захребетники Троице-Сергиева, Симонова, Спасского, Борисоглебского, Донского, Кириллова, Введенского, Шкнятинского, Тихвинского, Новодевичья, Чудова, Хутынского и других монастырей. Среди нанимавшихся на работу 2/5 от общего числа составляли крестьяне самого Александро-Невского монастыря.⁴¹ Эти данные показывают, насколько причудливо переплетались формы внеэкономической и экономической зависимости крестьян. Крестьяне нуждались в деньгах, это доказывается фактом прихода их на заработки в Петербург. Александро-Невский монастырь был их владельцем, но они нанимались на работу у него с «вольного договора». Какого-либо внеэкономического принуждения при найме своих крестьян в Александро-Невском монастыре установить не удалось.

Изучение реестров показывает, что, кроме монастырских, на работу нанимались архиерейские, дворцовые и помещичьи крестьяне. Помещичьи крестьяне приходили, как правило, одиночками. Многие из нанимавшихся были дворовыми людьми. Так, на строительство нанялись дворовые люди четырех прапорщиков Рижского гарнизона, дворовые фискала, подьячих, помещика Бежецкого уезда, комиссара Невского монастыря и др.⁴² Дворцовые крестьяне приходили в основном из Олонецкого уезда артелями по 12, 13, 23 человека сразу.⁴³

Кроме крестьян, на работу в монастырь поступали посадские люди, а также служительские и солдатские дети («хлопцы»), ящичики и их дети, отставные солдаты, «розсыльщики», плотники, бывший сторож, «жители» подмонастырских слобод, келейник. Мы уже говорили, что число их незначительно по сравнению с числом крестьян, но все же таких людей среди поступивших на работу в марте—декабре 1721 г. было 17% (157 человек, из них 76 человек посадских). В 1721 г. на работу в Невский монастырь поступили посадские люди Петербурга; например, заключили договор «кузнецкой слободы кузнецкий сын», «с Охты солдатский сын», «каменщик государевых новых кирпичных заводов», «Морской слободы посадский человек». Но посадских жителей Петер-

⁴⁰ В. М. Кабузан, Н. М. Шепукова. Табель первой ревизии народонаселения России. Данные переписи. Исторический архив, 1959, № 3, стр. 130—141.

⁴¹ ЦГИАЛ, ф. 815, 1721 г., д. 28.

⁴² Там же, лл. 4—5, 10—15, 18—19, 33—34.

⁴³ Там же, лл. 60, 61, 75, 76, 83, 84.

бурга нанималось на работу значительно меньше, чем жителей Москвы, Новгорода и даже Старой Руссы. На заработки в Петербург приходили московские посадские люди из Дмитриевской и Устицкой полсотни, Кожевенной, Овчинной, Садовой набережной, Мещанской, Конной, Каменщицкой, Голутвенной, Басманной, Панкратьевой слобод. Иногда просто указывалось, что поступил «москвитин посадский человек». Нанимающимися на работу в Невский монастырь мы видим посадских людей городов Можайска, Дмитрива, Олонца, Смоленска, Переяславля Залесского, Пскова, Н. Новгорода, Галича, Твери.⁴⁴

Договоры обычно не указывают возраст работника. Лишь иногда оговаривается, что работник был малолетним.⁴⁵ Ведения позволяют более ясно определить, какую часть работников составляли малолетние. Объясняется это тем, что ведения — документ о выплате денег, а малолетним давали меньшую плату, чем взрослым работникам, и потому оговаривали возраст. Например: «По договору у строельных дел наняты монастырские крестьяне Старорусского уезда... 10 человек, Новгородского уезда, села Валдая... 10 человек, Старорусского уезда... 10 человек. Всего 30 человек, в том числе малолетних 10 человек».⁴⁶ Артель с.-петербургских ямщиков из 8 человек включала в себя 6 малолетних, артель из 9 человек Валдайской округи — 6, из 10 человек Старорусского уезда — 3, из 8 человек Пошехонского уезда помещика Хрущева — 2, из 4 человек Звенигородского уезда кн. Урусова — 1 малолетний и т. д.⁴⁷ Ряд артелей полностью состоял из малолетних: «наемные малолетние работники комиссара Буторина дворовый человек с товарищи 10 человек», «наемные малолетние работники Старорусского уезда 9 человек», «наемные малолетние работники села Валдая бобыльский сын с товарищи 4 человека, Подмонастырской слободы пильного ученика брат его с товарищи 3 человека».⁴⁸ Во всех случаях оплата труда малолетних была ниже платы взрослых и равнялась обычно в летнее время 2 рублям в месяц. Различие между оплатой взрослого и малолетнего не такое большое — оплата малолетнего составляла приблизительно 80% от оплаты взрослого: «дать найма, кроме малолетних... по два рубля с пол-

⁴⁴ ЦГИАЛ, ф. 815, 1721 г., д. 28. Интересно отметить, что в конце XVII в. среди людей, подрядившихся на строительные работы в Москве, посадских почти не было. «Посадских людей среди них, кроме очень небольшого числа москвичей, не видно», — писал А. Н. Сперанский (А. Н. Сперанский. Очерки по истории приказа каменных дел Московского государства М., 1930, стр. 188).

⁴⁵ ЦГИАЛ, ф. 815, 1721 г., д. 28, лл. 77, 78.

⁴⁶ Там же, 1720 г., д. 5, л. 62.

⁴⁷ Там же, лл. 161, 162а об., 186, 189 об., 191.

⁴⁸ Там же, лл. 141 об., 204, 208.

тиною, а малолетним... по два рубля человеку на месяц». ⁴⁹ Только два ведения знают оплату ниже 2 рублей: малолетним платили полтора и 1 рубль. ⁵⁰ Вероятно плата зависела от возраста малолетнего. Когда договоры говорят о «детях», «крестьянских детях», «ямских детях» и т. д., то плата им определяется 2 рубля в месяц. ⁵¹ Это дает основание думать, что словом «дети» в рассматриваемых монастырских документах часто обозначали малолетних работников. Определить точно число малолетних трудно, но они составляли приблизительно от 1/4 до 1/3 наемных работников. Как видим, труд малолетних на строительстве монастыря использовался широко.

Почти все акты оформляют поступление работников на строительство монастыря, «к монастырскому строенью». О работе, которую будут выполнять нанявшиеся, говорится в большинстве случаев кратко — «всякая работа, что повелено будет». Если нанявшиеся владели каким-либо ремеслом, то они и поступали на соответствующую работу. ⁵² Так, каменщики нанимались «к монастырскому каменному строенью», реже — на резку камня или «резку белого камня»; ⁵³ плотники — «на всякую монастырскую плотницкую работу» «в том монастыре у каменного и деревянного строенья», иногда уточняется: «кроме столярства»; ⁵⁴ кирпичники — «на монастырские кирпичные заводы», ⁵⁵ а в некоторых случаях — для определенной работы, например, «для дела к монастырскому строенью карнизов кирпичным образом»; ⁵⁶ кузнецы — «на всякую кузнечную работу» в монастырской кузнице. ⁵⁷

Люди, не владевшие мастерством, нанимались «в разные работы в работники». Слово «работник» в рассматриваемых документах не равнялось по своему значению нашему слову «рабочий», а означало в нашем понимании чернорабочего. Обратимся для доказательства этого к договорам и ведениям. Формула, показывающая, для какого дела нанят человек, строится следующим образом: «нанят в каменщики», или «нанят в плотники», или «нанят в работники». Другая формула: «нанят кузнец на всякую кузнечную работу», или «наняты плотники на всякую плотницкую ра-

⁴⁹ Там же, л. 62.

⁵⁰ Там же, лл. 212 об., 315.

⁵¹ Там же, лл. 90 об., 92 об.

⁵² Там же, 1721 г., д. 28, лл. 16, 17, 38, 39, 40, 53, 55, 56, 57, 60, 61, 75, 76, 83, 84.

⁵³ Там же, 1720 г., д. 5, лл. 238 об., 247.

⁵⁴ Там же, лл. 20, 87, 107.

⁵⁵ Там же, 1721 г., д. 28, л. 32.

⁵⁶ Там же, 1720 г., д. 5, л. 102 об.

⁵⁷ Там же, лл. 123 об., 249.

боту», или «наняты работники в разные работы». Иногда одним договором нанимались разные мастера: «договорились в работу в каменщики (имена), в плотники (имена), в работники (имена)». ⁵⁸ При оплате труда указывалось, что нужно заплатить каменщикам столько-то, плотникам столько-то, работникам столько-то. В представлении монастырского писца «каменщик» не был «работником». Назвав «каменщика» «работником» писец зачеркивал, исправляя свою ошибку. ⁵⁹ Везде, как видим, слово «работник» приравнивается к словам, обозначающим профессию, — «каменщик», «плотник» и обозначает рабочего, не знающего определенного мастерства и годного «в разную работу».

Некоторые договоры оформляли наем рабочих не на строительство непосредственно, а на различные другие работы: например, «в лесах возить монастырские дрова», «к садовой работе работать при скотном дворе», «работать в монастырских цветниках», «для всякой работы на пильной мельнице» и т. д. ⁶⁰

Договоры дают сведения о том, кто руководил работой нанявшихся людей. Так, рабочие должны были дрова «класть, где указано будет от нарядчика», на кирпичных заводах работник подчинялся «заводским монастырским прсмотрщикам», некоторые плотничьи работы выполнялись «по указу архитекторскому», каменщики делали то, что указывали им подмастерья или надзиратель строельных дел, работавшие в саду подчинялись иноземцу садовнику Юрию Гарцину. ⁶¹ Кто следил за работой нанявшихся «на всякую работу», договоры не устанавливают.

В некоторых актах оговаривается, кому принадлежат орудия труда, которыми пользовались наемные работники. Каменщикам следовало быть со своими молотками и лопатками. ⁶² Поскольку оплата каменщиков, установленная в этом договоре, была не выше оплаты каменщиков по другим договорам, то можно предположить, что и другие каменщики, нанимаясь на работу, имели свои молотки и лопатки, а все остальные инструменты предоставлял монастырь. ⁶³ Люди, нанятые на «всякую работу», вероятно, не

⁵⁸ Там же, 1721 г., д. 28, л. 40

⁵⁹ Там же, 1720 г., д. 5, л. 332 об.

⁶⁰ Там же, 1721 г., д. 28, л. 1; 1720 г., д. 5, лл. 237 об., 240, 241.

⁶¹ Там же, 1721 г., д. 28, лл. 1, 32, 38—39, 57; 1720 г., д. 5, лл. 240—241.

⁶² Там же, 1721 г., д. 28, лл. 16—17.

⁶³ Каменщики всегда нанимались на работу со своими молотками и лопатками, об этом неоднократно упоминают договоры о подряде. Но большая часть орудий труда принадлежала монастырю — «кирки и ломы, шайки и ушаты и топоры» (ЦГИАЛ, ф. 815, 1724 г., д. 154), заступы и тележки (ЦГИАЛ, ф. 815, 1720 г., д. 5, лл. 73—74) и др. Из договоров о подряде известно, что монастырь предоставлял эти орудия труда подрядчикам, но в таком случае можно утверждать, что наемные рабочие тоже пользовались монастырскими орудиями труда.

имели своих орудий труда, так как, во-первых, ни в одном договоре нет никаких упоминаний об этом, во-вторых, при найме работники даже не знали, что они будут делать и, соответственно, какой инструмент им понадобится на работе.

Рассматриваемые документы не знают случаев найма работника, имеющего лошадь. Лошадей всегда предоставлял монастырь — «возить на монастырских лошадях кирпич и в лесах монастырские бревна»,⁶⁴ «возить дрова на берег на монастырских лошадях».⁶⁵ Наличие у работника лошади было бы отмечено в договоре и отразилось бы на оплате.

Некоторые формулы договора закрепляли выполнение условий найма. Работники должны были выполнять все повеления монастырских властей «безспорно», исполнять работу должны были «добрым мастерством».⁶⁶ Все договоры отмечали, что работники не должны учинять монастырю «шкот, трат и убытков». Эта статья договора обеспечивала за монастырем сохранность его имущества и, вероятно, в практике могла быть истолкована очень широко, потому что под «шкоты, траты и убытки» можно отнести любой недостаток в работе и обвинить в нарушении договора. Если договор заключался с работниками, знавшими определенное мастерство (каменщиков, плотников), то оговаривалось еще два момента: 1) право монастыря отказать от работы тем, «кто явится плох» и «работать не умеет»; иногда в договоре подчеркивалось право монастырских властей перевести этих людей в «работники»;⁶⁷ 2) запрещалось каменщикам и плотникам во время работы в монастыре выполнять заказы кого-либо другого: «в другие посторонние работы не наниматься».⁶⁸

Рассмотрение договоров дает возможность утверждать, что монастырь применял краткосрочные договоры. Из 49 договоров 43 заключены на месяц. Если работник, проработав месяц, оставался еще, то снова заключался договор сроком на месяц. Так «новгородец с Ильинской улицы» заключал новые договоры сроком на 1 месяц 5 раз. Месячные договоры установились как наиболее целесообразная форма в то время, когда работниками являлись пришлые крестьяне и посадские люди. Обычай найма на 1 месяц настолько прочно вошел в практику монастыря, что за наемными рабочими даже утвердилось название «месячных»: например, «наемные месячные плотники».⁶⁹ Договоры, заключенные на

⁶⁴ ЦГИАЛ, ф. 815, 1720 г., д. 5, л. 245.

⁶⁵ Там же, 1721 г., д. 28, л. 1.

⁶⁶ Там же, лл. 38, 39, 75, 76, 83, 84.

⁶⁷ Там же, лл. 38, 39, 7, 60, 61, 75, 76, 83, 84.

⁶⁸ Там же, лл. 16, 17, 53.

⁶⁹ Там же, 1720 г., д. 5, лл. 151, 173, 255.

другой срок, лишь показывают, насколько глубоко вошел в практику краткосрочный наем. Три из них заключены уже в конце лета только «до окончания монастырской работы»,⁷⁰ т. е. заключены опять-таки на короткий срок. Договор, заключенный на четыре с половиной месяца относится к зимнему времени (декабрь—апрель).⁷¹ Только один договор заключен на год, но и тот оформлял одного человека не на строительство, а на кирпичный завод.⁷² При найме на работу к «строельным делам» в летние месяцы мы имеем только один договор, заключенный в середине мая «на все лето до отставки того каменного дела».⁷³ Интересно, что при составлении договора сказалась привычка подьячих писать договор на месяц. Срок работы определен следующим образом: «сего мая с 16 числа июня по то же число, а с июня впредь на все лето...», хотя эта разбивка срока ничем не оправдана. Оформление на все лето обусловлено тем, что на работу нанималась артель валдайских каменщиков — видимо, хорошо известные комиссарству люди.

Несмотря на то, что договор заключался, как правило, на месячный срок, большинство нанявшихся оставалось на работе в монастыре весь строительный сезон. Например, 20 работников (10 человек из с. Валдая и 10 человек из Старорусского уезда) начали работать с 25/IV и работали по 25/V, потом с 26/V по 26/VI, с 26/VI по 26/VII, с 26/VII по 26/VIII, с 26/VIII по 26/IX, с 26/IX по 26/X, с 26/X по 11/XI,⁷⁴ т. е. с апреля по ноябрь — 6,5 месяцев. Вологодский плотник помещика Нащокина работал с 7/V по 7/XI,⁷⁵ тихвинские посадские каменщики и работники пробыли с 2/V по 2/X,⁷⁶ Олонецкие дворцовые крестьяне слободы Седоксы, плотники, работали с 1/V по 1/XI,⁷⁷ наемный каменщик, иноземец Саксонской земли Христиан Улов работал с 11/VII по 1/X⁷⁸ и т. д. То, что договор возобновлялся каждый месяц, позволяло части работников отходить, проработав какой-то срок. Договоры не позволяют проследить случаи отхода. Ведения же, которые мы до сих пор использовали только для восстановления содержания договора о найме, заключают в себе также данные об отходе с работы — проработали месяц и «впредь работать будут, кроме Ивана Родионова», проработали 2 месяца и «впредь начали, кроме одного», «работают, кроме отставших двух человек».

⁷⁰ Там же, 1721 г., д. 28, лл. 43—45, 47—50.

⁷¹ Там же, лл. 94—95.

⁷² Там же, л. 32.

⁷³ Там же, лл. 16—17.

⁷⁴ Там же, 1720 г., д. 5, лл. 62, 111, 125, 148 об., 168 об., 194, 215, 233.

⁷⁵ Там же, лл. 107, 140, 169, 182, 206, 224.

⁷⁶ Там же, лл. 132 об., 154, 174, 200.

⁷⁷ Там же, лл. 130, 198, 222.

⁷⁸ Там же, лл. 190, 231.

«один отстал и работать не будет»⁷⁹ и т. д. Из ведений узнаем, что часть отставших прекратила работу из-за болезни. Так, проработав известное время, 9 человек «отстали», 5 из них заболели⁸⁰ Случаев отхода с работы немного. Несколько увеличивается их число уже в октябре месяце. В подавляющем большинстве люди работали до тех пор, пока имелась работа, т. е. пока не сокращалось строительство (на зиму). В ведениях имеется лишь одно указание на побег наемных рабочих: из 8 ямщиков С.-Петербургской ямской слободы «4 человека бежали», не отработав и месяца.⁸¹ Поскольку ведения сообщают о всех случаях отхода с работы, то они должны были бы отмечать и все случаи бегства. Почти полное отсутствие этих сведений говорит о том, что побегов было немного.

Договор о найме обязательно определял заработную плату рабочего. В большинстве актов употреблена формула «рядили взять» или «ряжено им», реже — «должно дать им найма».⁸² Плата зависела от специальности, квалификации, возраста работника, времени года и, вероюдно, от того, какую плату он умел себе выговорить. Плата очень различна, она колеблется от 1 рубля до 5 рублей,⁸³ т. е. самая высокая плата превышает самую низкую в 5 раз. Рабочие, знавшие ремесло каменщика или плотника, имели плату выше, чем работники. Плотники получали 3 рубля, 4 рубля, 4 рубля 25 копеек, каменщики — от 3 до 5 рублей в месяц.⁸⁴ Для определения степени мастерства рабочих и, соответственно, размера оплаты в монастыре проводили соответствующие испытания. Особенное развитие получило определение степени мастерства каменщиков. Годны ли нанятые люди работать каменщиками, определял архитектор. Иногда оказывалось, что «по освидетельствованию на каменное дело явились неумеющие 5 человек».⁸⁵ Те люди, которые оказывались каменщиками, делились по своему мастерству на три статьи. Каменщики каждой статьи были «своей цены достойны». Мастера I статьи получали 4 рубля в месяц. II статьи — 3.5 рубля, III статьи — 2.5 рубля. Каменщики первой статьи назывались «добрыми мастерами».⁸⁶ Испытаниям подвергались и другие мастера, например, «в столярную службу в оклад» работник определялся «по свидетельству архитекторскому против столяров Матвея Петрова с товарищи»⁸⁷ и т. д.

⁷⁹ Там же, лл. 141, 145 об., 156, 204.

⁸⁰ Там же, лл. 216, 342.

⁸¹ Там же, л. 180 об.

⁸² Там же, 1721 г., д. 28, лл. 1, 26.

⁸³ Там же, 1721 г., д. 3, л. 58; 1720 г., д. 5, л. 212 об.

⁸⁴ Там же, 1721 г., д. 28, лл. 40, 83, 84, 38, 39, 75, 76, 54, 55, 60)

61, 51, 52.

⁸⁵ Там же, 1720 г., д. 5, л. 132 об.

⁸⁶ Там же, лл. 114 об., 119 об., 121.

⁸⁷ Там же, л. 352.

Плата работников на «всякую работу» колебалась от 40 алтын до 2—2.5 рублей, в одном случае встречаем 3 рубля.⁸⁸ Один договор, как мы уже указывали, оформлял на работу группу людей. Плата им устанавливалась разная. В тексте договора чаще указывали имя десятского и количество людей, которым положена та или иная плата, в реестре же имена группируются часто по размеру заработка. Например, после перечня имен пяти человек указывается установленная им плата: «По договору рядили взять вышеписанные 5 человек по два рубля с полтиною на месяц», потом написаны имена четырех человек, которым была определена плата 2 рубля в месяц, одному работнику — полтора рубля и четверем — по 40 алтын.⁸⁹ Десятские получали такую же плату, как и другие работники. Только в одном договоре заработок десятского был выше, чем плата работникам его «десятка», десятскому договору устанавливал плату 2.5 рубля, а 12 работникам по 2 рубля человеку на месяц.⁹⁰

В зимние месяцы (декабрь—март) плата была ниже, чем в остальное время года. Зимой наиболее распространенной была плата 2 рубля в месяц,⁹¹ а в остальное время года 2 рубля платили малолетним. Плата работника снижается зимой до 1 рубля 25 алтын в месяц;⁹² весной, летом, осенью такой низкой оплаты не встречается. В летние месяцы кузнец получал 4 рубля,⁹³ в зимние — 2.5 рубля в месяц.⁹¹ Ведения дают возможность утверждать, что монастырь выплачивал рабочим именно ту плату, которая была записана в договоре без каких-бы то ни было штрафов и удержаний. На части ведений есть помета о том, что деньги работникам выданы «с роспискою», и сумма, указанная в ведениях, та же, что и в договорах.

«Излишняя» или особо трудная работа оплачивалась дополнительно. Так, наемному каменщику московскому жителю Гончарной слободы «сверх его наемной месячной ряды прибавить ему за излишнюю его работу в обжиганье устава» «в прибавок против штукатурных каменщиков рубль».⁹⁵ В другом случае 20 каменщикам «за излишнюю их работу против их братии каменщиков»

⁸⁸ Там же, 1721 г., д. 28, лл. 20—21.

⁸⁹ Там же, лл. 62, 63.

⁹⁰ Там же, лл. 73, 74.

⁹¹ Там же, лл. 237 об., 238, 240, 241.

⁹² Там же, л. 245.

⁹³ Там же, лл. 123, 137.

⁹⁴ Там же, лл. 237, 249. Подтверждение этому находим также в челобитных, где отдельные рабочие прямо указывали: «Цена была мне на месяц в летнее время по 3 рубли, а в зимнее время, когда работа, по 2 рубли» (ЦГИАЛ, ф. 815, 1725 г., д. 205, л. 1).

⁹⁵ Там же, 1720 г., д. 5, лл. 196, 304.

было выдано монастырскими властями «в потешение по рублю человеку».⁹⁶

Договоры показывают, что рабочие получали только денежную оплату. Продуктов питания монастырь им не давал. Рабочие жили на «своем хлебе и харче».⁹⁷ Правда, сообщение об этом мы находим только в одном договоре. Но поскольку плата, установленная этим договором, была не выше, чем в других случаях, то очевидно, что и другие рабочие покупали продукты питания сами. Кроме того, в договорах устанавливалось, что монастырь выплачивал работникам деньги или «наперед все сполна», или половину «наперед», в начале месяца, а вторую половину опять-таки «наперед» в середине месяца. Деньги выдавались, для того чтобы работники могли купить себе пищу.

Одна из частей акта закрепляла обязанности нанявшихся к «строельным монастырским делам». Договор устанавливал, что работники должны жить весь срок, на который они наняты. Каждый договор имеет формулу: «не отжив до означенного срока, не збегать» или «с работы им до сроку не збегать».

Акт устанавливал санкции монастыря за нарушение условий договора. Договор устанавливает право суда, которое имел монастырь над наемными работниками: «быть им судимым от канцелярии Невского монастыря без всяких отговорок». «А ежели они, вышеписанные плотники, против сего договору в чем не устояли, и в том они плотники и порутчики повинны суду в канцелярии Невского монастыря».⁹⁸ Это право оговаривается не во всех договорах, обычно его подчеркивали при найме больших групп крестьян одной категории, например когда договор оформлял 23 человека дворцовых крестьян Шунского погоста или помещичьих крестьян Галицкого уезда (кн. С. М. Долгорукова, Щепотева, Жарковского, Севолдского, Евреинова); в остальных случаях право монастыря судить своих наемных рабочих подразумевалось само собой.

Таким же образом монастырь защищал себя от «убытков». Соответствующие клаузулы устанавливают личную ответственность десятского и порутчиков, иногда только порутчиков⁹⁹ за все «убытки». Договор устанавливал право монастыря взыскивать с десятского и порутчиков деньги, выданные работникам; иногда в договорах оговаривается, что в случае побега деньги будут взысканы вдвое.¹⁰⁰ За невыполнение нарядов присмотрщиков договор устанавливал наказание безденежной работой.¹⁰¹

⁹⁶ Там же, лл. 177, 263.

⁹⁷ Там же, 1721 г., д. 28, лл. 16, 17.

⁹⁸ Там же, лл. 38, 39, 75, 76, 83, 84.

⁹⁹ Там же, лл. 24, 25, 30, 31, 35—37, 57.

¹⁰⁰ Там же, лл. 16, 17, 38, 39.

¹⁰¹ Там же, л. 32.

Значительная часть акта содержит в себе сведения о поручителях. Работники одной артели были связаны круговой порукой. Акт заканчивается обязательной формулой: «и в том (т. е. в выполнении договора, — Л. С.) ручались они круговой порукою друг по другу»; но этого было мало, и потому устанавливались еще поручтики по десятским: «да сверх того по десяцком порукой...». Поручтики несли, как уже сказано, денежную ответственность за работников. Они, как и сами работники, были «повинны суду в канцелярии Невского монастыря».¹⁰² При очень большом числе наемных работников и при том, что люди эти были пришлые, найти поручтика было не так легко. В качестве поруччиков выступают обычно слуги¹⁰³ и жалованные рабочие¹⁰⁴ Александро-Невского монастыря — лоденщики, бочар, хлебник, каменщики, столяры, резчик, повар, гребец, пильщик, кузнец, плотник. На основании договоров мы не можем судить о том, всегда ли жалованные рабочие и монастырские слуги принимали поручительство добровольно. Встречаются случаи, когда поручителями выступали родственники нанимавшихся — отец, брат, работавшие в это время в монастыре, или посторонние монастырю люди — солдаты Преображенского полка, дворцовые крестьяне, «старорушанин», лавочник, «который в лавке торгует при Невском монастыре». Договор скреплялся подписями поруччиков и десятского, который расписывался также от имени своих «товарищей» «по их прошению».

Число лиц, подписавших договоры, очень ограничено, повторяются одни и те же имена. Часто десятский был неграмотным и кто-нибудь из нанявшихся работников расписывался за него, за работников и «в свое место». Бросается в глаза сравнительно большое число подписей валдайских жителей. Среди них, возможно, грамотность была распространена больше, чем среди работников из других областей. Кроме монастырских слуг и учеников монастырской типографии, которые расписывались за работников, встречаются подписи каменщиков, плотников. Среди людей, владевших мастерством, грамотные встречались чаще. Подпись нанимавшихся заканчивала договор.

Подлинник акта всегда имеет две пометы монастырской канцелярии, которые позволяют судить о том, как использовался акт. На основании договора составляли список работников для нужд комиссарства, а также ведение о выдаче денег рабочим. Ведение

¹⁰² Там же, лл. 75, 76, 83, 84.

¹⁰³ Там же, лл. 1, 14, 15, 33, 34, 47—52, 54, 55, 90, 91.

¹⁰⁴ Определенная группа монастырских рабочих. Жалованные рабочие являлись крепостными монастыря, хорошими мастерами какого-либо дела; они работали при монастыре постоянно, в большинстве своем имели в Петербурге дома, жили с семьями. Источником существования этой группы рабочих было «жалованье», которое монастырь давал им хлебом и деньгами.

посылали к расходчику монастыря, который на основании его выплачивал деньги. Самим договором больше не пользовались. Его отсылали «к договорам сего года».

Изучение договоров приводит к выводу, что мы имеем перед собой документ с уже сложившейся формой. Все договоры однообразны, лаконичны. Различие между ними, как правило, лишь в том, что клаузулы отдельных актов более или менее развернуты. Если сравнить рассмотренные договоры с актами конца XVII в.,¹⁰⁵ то можно сказать, что исчезла рыхлость, многословие последних, текст акта стал более скупым, логичным, клаузулы приобрели характерную для документа единую форму. Столь строгий и четкий по форме акт выработался в Невской канцелярии под влиянием того, что монастырь нанимал большое число работников. Сказалось на форме документа и петровское законодательство: отпало традиционное «се аз» и институт послухов. По существу же договоры XVII и XVIII вв. сходны, они состоят из одних и тех же клаузул и даже порядок расположения последних в договоре одинаков.

Челобитные рабочих монастырским властям (называемые также доношениями или прошениями) являются единственным источником, исходящим от самих рабочих. Мы рассмотрим только те челобитные, в которых заключена просьба о предоставлении работы. О том, что при поступлении на работу, в частности на мануфактуру, нанимавшиеся люди подавали доношения (или челобитные, или прошения) в литературе известно, но известно из других источников, например из сказок рабочих.¹⁰⁶ Сам документ в распоряжении исследователей, вероятно, не был. Тем интереснее будет рассмотреть этот вид источника. Такие челобитные подавались рабочими в комиссарство строельных дел или в Невскую канцелярию как при первом найме на работу, так и при продлении срока работы. На основании изучения известных нам челобитных можно сказать, что при первоначальном поступлении на работу, как правило, подавались письменные челобитные, а при продлении срока работы обычными были словесные челобитные.

Словесные челобитные дошли до нас в виде записей монастырской канцелярии. Запись словесной челобитной излагала в прошедшем времени основные положения договора о найме и заканчива-

¹⁰⁵ Акты, относящиеся до юридического быта древней России. Под ред. Н. Калачова, т. I. СПб., 1857, стлб. 711, № 113 от 1696 г.; т. II. СПб., 1864, стлб. 511—514, № 161 от 1652 г., стлб. 520—524, № 165 от 1700 г. Материалы исторические и юридические района бывшего приказа Казанского дворца, т. I. Приготовлены к изданию проф. Н. П. Загоскиным. Казань, 1882, стлб. 224, № 188 от 1697 г. Кунгурские акты XVII в. (1688—1699 гг.). СПб., 1888, стлб. 288—291, № 77 от 1699 г.

¹⁰⁶ Е. И. Заозерская, ук. соч., стр. 122—123, 139.

лась прошением работников «быть у той работы из той же ряды»; например, «били челом словесно каменного строенья работники Старорусского и Новгородского уездов разных погостов... по найму из канцелярии работали они у каменного строенья всякую работу прошедшего мая с 13 числа сего июня по такое ж число. А по договору за тое работу дано им было за оной месяц по два рубля с полтиною человеку. А сего де июня с 13 числа оного июля по то ж число у той работы быть желают из той же ряды».¹⁰⁷

Письменные челобитные о предоставлении работы имеют больший интерес. Рассмотрение их формы приводит к выводу о том, что в первой четверти XVIII в. челобитная постепенно заменялась документом новой формы — прошением. Само название документа твердо еще не установилось, однотипные по форме и содержанию документы именуется то «доношением», то «прошением», то заголовков заменяется формулой о том, что такой-то «бьет челом», «а в чем, тому следуют пункты».¹⁰⁸ В делопроизводстве Невской канцелярии и в устной речи все документы такого вида именовались «челобитными» — «по челобитью моему определен был я... в караульщики»,¹⁰⁹ а люди, подававшие их, — «челобитчиками»: «отдано челобитчику Ивану Иванову».¹¹⁰ На этом основании и мы будем называть рассматриваемые документы челобитными.

Большинство челобитных написано в Невской канцелярии. Монастырские писцы не ставили на челобитной своего имени (вероятно потому, что челобитная не выходила из пределов монастырской канцелярии), но в тексте челобитных часто указано, что они написаны в Невской канцелярии¹¹¹ или «у строельных дел».¹¹² На многих челобитных нет подписи лица, от имени которого подан документ, но и в этом случае мы можем считать челобитную подлинной, так как на ней имеются пометы канцелярии, относящиеся к рассматриваемому делу. Кроме подлинных челобитных, встречаются пересказы их в «докладах» и судебных делах. Эти пересказы точно передают содержание челобитной, но, как правило, нет необходимости обращаться к ним, так как в этих же делах сохранились и подлинники документа. Если челобитную писали не в монастыре, то человек, писавший ее, ставил свое имя. Например, «сие прошение писал... Благовещенский дьячок Иван Афанасьев», или «писал подьячий Никифор Дретенский и велел подать в монастырской Невской канцелярии».¹¹³

¹⁰⁷ ЦГИАЛ, ф. 815, 1719 г., д. 111, лл. 14, 42.

¹⁰⁸ Там же, 1725 г., д. 205, л. 7.

¹⁰⁹ Там же, 1723 г., д. 139, л. 44.

¹¹⁰ Там же, 1719 г., д. 148, л. 3.

¹¹¹ Там же, 1721 г., д. 232.

¹¹² Там же, 1719 г., д. 195.

¹¹³ Там же, 1717 г., д. 94.

Челобитная делится на несколько частей. Начальный протокол устанавливал, кому направлен документ. Все челобитные адресованы на имя архимандрита Феодосия. Единой формы обращения к архимандриту не существовало: самая краткая — «господину Феодосию, архимандриту»,¹¹⁴ наиболее полная — «великому господину Святейшего Правительствующего Синода вице-президенту, преосвященному Феодосию архиепископу Великоновгородскому и Великолукскому Троицкого Александро-Невского монастыря архимандриту».¹¹⁵

Само содержание челобитной можно разделить на две части. В первой в повествовательной манере рассказывается о тех событиях, из-за которых челобитчик обратился к архимандриту. Например, «нынешняго года 717 ноября месяца монастырский ваш служитель Кирила Михайлов, каменщик, волею божию преставился, а на место ево Кирилино в служители и в каменщики еще никто не определен. А оной Кирила мне... был человек свойственной и у меня... есть на возрасте сын мой Григорей, который годен быть в служителях и в каменщиках, а к месту ни к какому еще не определен». Вторая часть челобитной содержит в себе просьбу «повелеть» «указ учинить» о решении дела. Переход от первой части ко второй осуществлялся посредством слов «того ради прошу». Например, «прошу вашу господскую милость, прикажите, господа, мне, сироте, быть в каменщиках».¹¹⁶ Несмотря на то что рассматриваемые нами челобитные охватывают небольшой отрезок времени, все же видно, насколько быстро в те годы изменялась форма и язык документов. В челобитных 1715—1717 гг. просительная часть содержит уничижительные имена и раболепные обращения — «сынишка моего Григорка», «прошу ваша божеския милости» и т. д.,¹¹⁷ в 1723—1725 гг., как правило, употребляется канцелярский язык, характерный для последующего времени — «прошу, дабы повелено было определить меня, низайшего, по-прежнему на каменное дело и о том к строельным делам послать указ».¹¹⁸ Конечный протокол челобитной указывал имя просителя, дату написания, иногда сведения о том, кто писал документ. «О сем прошение предлагает каменщик Яков Кириллов апреля 24 дня 1723 года».¹¹⁹ Если челобитная написана в форме «пунктов», которые соответствуют красным строкам обычно принятой формы, то имя челобитчика указывалось в начале документа. Почти все челобитные написаны

¹¹⁴ Там же, 1718, д. 62, л. 1.

¹¹⁵ Там же, 1723 г., д. 86, л. 13.

¹¹⁶ Там же, 1717 г., д. 94, лл. 2, 8.

¹¹⁷ Там же, лл. 2, 13.

¹¹⁸ Там же, 1723 г., д. 139, л. 33

¹¹⁹ Там же.

от имени одного лица, лишь как исключение встречаются написанные от имени 2—3 лиц.

Челобитные ценны для нас прежде всего тем, что дают некоторые сведения о предшествующей жизни людей, желавших наняться на работу. Сведения о родителях челобитчика встречаются довольно редко; только сироты подчеркивали обычно, что отцы их погибли во время войны. Например, Василий Лаврентьев писал, что отец его был «взят в службу великого государя» и он «сирота от отца своего остался в малом возрасте с матерью своей старухой»; Михайла Кириллов сообщал, что отец его «в первой Ругодевской поход взят из Иверского монастыря в службу великого государя в даточные солдаты»; без родных вырос мальчик, взятый «в малых летах» в плен донскими казаками в начале Северной войны.¹²⁰ Из некоторых челобитных мы можем узнать, к какой группе населения (к крестьянам, бобылям, мещанам, служителям) относились отцы челобитчиков, — «отец мой в селе Валдае всякие подати с мещаны платит безысходно», или «прошение предлагают крестьянские дети Иуда Евсеев и Степан Елисеев».¹²¹

Обычно же челобитчики писали только о себе. Из одних челобитных ясно лишь то, что человек, подававший ее, не имел средств к существованию, был «безместным», «свободным» — «волочусь и скитаюсь в том селе Валдае без определенного места, от чего с матерью своей старухой и с малыми отца моего детьми впредь прокормиться нечем», «ни у какой службы не определен и кормиться стало нечем и... оброку платить нечем», «живу в селе Валдае с малыми своими сиротами и престарел. А пить и есть ничего у себя не имею» и т. д.¹²² В других челобитных содержатся сведения о том, что люди, желающие получить работу на строительстве монастыря, трудились по найму и прежде, бывали на строительных работах в Петербурге и знали определенное мастерство — «в прошлых годах, будучи в Петербурге у каменных работ»; «в прошлом 1716 и 1717 годов... у каменного дела на работе был»; «работали при Невском монастыре один месяц, да при Санк-Петербурхе в разных местах два месяца»; работал резчиком белого камня с 1722 по ноябрь 1725 г.¹²³ Отдельные челобитчики раньше работали по найму крестьянского мира, например, Тихон Яковлев жил в Петербурге при Невской канцелярии «в ходаках от монастырских ваших крестьян из найму»; другие служили в монастыре — «в прошлом 711 году... определен... в конюхи и служил с того году при Иверском и Невском монастыре по нынешний 1718 год»;

¹²⁰ Там же, 1717 г., д. 94, лл. 4, 11, 27.

¹²¹ Там же, 1723 г., д. 86, л. 17; д. 139, л. 66.

¹²² Там же, 1717 г., д. 94, л. 4; 1723 г., д. 139, лл. 40, 44.

¹²³ Там же, 1724 г., д. 86, л. 192; 1717 г., д. 94, л. 7; 1723 г., д. 139, л. 64; 1725 г., д. 205, л. 1.

«в прошлых годах жил при Иверском монастыре так же и при Невском в монастырских служителях в стороженной службе»; «в прошлом 1713 году... определен был в хлебную службу, у которой был по нынешний 723 год».¹²⁴ Очень немногие челобитчики приходили на заработки впервые — «а до сего времени в волоченьи нигде не бывал».¹²⁵

Рассматривая договоры о найме, мы видели, что подавляющее большинство нанимающихся происходило из крестьян. Челобитные позволяют узнать, чем объясняли крестьяне свой отход из деревни. Причина отхода всегда одна — «хлебная скудость»; цель прихода в Петербург тоже одна и та же — «для прокормления работою».¹²⁶ Например, «из монастырской вашей Городецкого уезда вотчины села Присек из нижеписанных деревень от хлебной скудости пришли мы... к Невскому монастырю для прокормления работою».¹²⁷

Только в челобитных мы находим сведения о стремлении рабочих к овладению определенным мастерством или повышению степени мастерства. «Работаю... всякую черную работу... и желаю... быть... у каменного здания в каменщиках», «желаем быть при Невском монастыре при каменном деле... каменщиками в научении каменного мастерства», «желаю... обучатца при Невском садовой науке», — просили рабочие, не знавшие мастерства.¹²⁸ Те, кто уже имел профессию, хотели совершенствоваться в своем деле. Так, Илья Кондратьев сын Чивилев сообщал о себе, что работает каменщиком с 1721 г. и желает работать «до совершенного в том деле обучения»,¹²⁹ портной Евдоким Екимов просил о работе «в портной службе до обучения хорошего мастерства».¹³⁰ Обучение шло в процессе работы. Рабочие, обучавшиеся какому-либо мастерству, трудились наряду с другими «из месячного найма» — «желаем быть в науке каменного и щекотурного мастерства, работать всеусердно, безленостно из месячного найма».¹³¹ Плата рабочего-ученика равнялась плате чернорабочего; так, в челобитной Никиты Никитина, работавшего «в месячных работниках», содержится просьба «по тому ж месячному найму отдать (его, — Л. С.) в работу к... каменщикам для всякого обучения».¹³² Челобитчики стреми-

¹²⁴ Там же, 1717 г., д. 94, лл. 10, 27, 29; 1723 г., д. 139, л. 40.

¹²⁵ Там же, 1723 г., д. 139, л. 35.

¹²⁶ Если мы обратимся к многочисленным челобитным о переводе на оброк монастырских крестьян, которые «повсягодно» работали по найму, увидим «черною работою, наймаясь в разных местах» (ЦГИАЛ, ф. 815, 1721 г., д. 232), то все они укажут ту же причину отхода — «хлебная скудость».

¹²⁷ ЦГИАЛ, ф. 815, 1723 г., д. 139, л. 64.

¹²⁸ Там же, лл. 64, 67; д. 86, л. 19.

¹²⁹ Там же, 1724 г., д. 86, л. 187.

¹³⁰ Там же, 1723 г., д. 139, л. 35.

¹³¹ Там же, 1724 г., д. 86, л. 196.

¹³² Там же, 1723 г., д. 139, л. 62.

лись овладеть мастерством, потому что заработок чернорабочего был слишком мал, — «тою работою (черной работой, — Л. С.) прокормиться невозможно и тяглых своих крестьянских участков оплачивать нечем».¹³³

Челобитные удивительно ярко отразили заинтересованность занимавшихся в работе. В отдельных случаях челобитчики, будучи мастерами определенного дела, просили о любой работе, если не будет «заобычайной» им. Так, резчик камня просил о плотнической и бондарной работе в то время, когда нет резки камня;¹³⁴ писец просил о какой угодно работе, «ежели заобычайной мне службы не будет, определить хотя в каменщики или в рещики».¹³⁵

Большинство челобитчиков нуждалось в постоянной работе, они просили о «вечной», «безосходной», «на всякое лето», «ныне и впредь» работе.¹³⁶ «Желаю... быть при Невском монастыре повсялотно у каменного здания в каменщиках», — писал бобыльский сын Григорий Петров.¹³⁷ Юридически свободный человек (вольнотпущенный) обещал «работать безотходно», т. е., стремясь получить работу, отказывался от свободы.¹³⁸ Итак, для многих челобитчиков труд по найму стал постоянным занятием, а следовательно, и основным средством существования. Заработанные деньги тратились на пищу, одежду, уплату податей и другие нужды — «а наймом меня, низжайшего определить по два рубля с полтиною на месяц, чем бы было мне... пропитаться, на платье и на одежду», «будучи на работе с нуждами исправиться и прокормиться возможно».¹³⁹

Мы остановились на трех разновидностях документов, содержащих сведения о наемном труде. Из рассмотренных документов видно, что вести большие строительные работы только подневольным трудом в первой четверти XVIII в. было невозможно. Даже такой крупный феодал, как Александро-Невский монастырь, не мог обойтись без применения наемного труда.

Наемные рабочие являлись в большинстве своем крестьянами¹⁴⁰ различных групп. Но посадские, солдатские, служитель-

¹³³ Там же, л. 64.

¹³⁴ Там же, 1725 г., д. 205, л. 1.

¹³⁵ Там же, 1723 г., д. 86, л. 17.

¹³⁶ Там же, л. 139, л. 64; 1717 г., д. 94, л. 10; 1724 г., д. 86, л. 192.

¹³⁷ Там же, 1723 г., д. 139, л. 67.

¹³⁸ Там же, 1717 г., д. 94, л. 11.

¹³⁹ Там же, 1723 г., д. 139, л. 42; 1724 г., д. 86, л. 192.

¹⁴⁰ Те виды источников, которыми исследователи пользовались до сих пор, не позволяли точно установить даже этот факт. Так, С. П. Луппов может лишь высказать предположение: «Основная масса наемных рабочих была, по видимому, из крестьян» (С. П. Луппов. История строительства Петербурга в первой четверти XVIII века. М.—Л., 1957, стр. 88).

ские дети все же составляли почти 1/5 часть общего числа рабочих. Люди, нуждавшиеся в заработке, приходили в Петербург из самых различных областей России, но особенно значительным был отход из Новгородской губернии. Так как наемных рабочих в Петербурге не хватало, то монастырские власти старались нанимать людей в других городах и деревнях.

Особенность найма на строительные работы состояла в том, что рабочие были заняты с весны по осень и, следовательно, оторваны от крестьянского хозяйства. Зимой объем строительных работ значительно уменьшался и потому рабочих нанимали меньше. Среди наемных рабочих было много (от 1/4 до 1/3) малолетних. Некоторая часть наемных рабочих была заинтересована в постоянной работе на строительстве, стремилась овладеть мастерством.

На строительных работах применялся краткосрочный наем, обычно на 1 месяц, что очень сильно снижало число беглых. Наемные рабочие получали только денежную оплату. Размер заработка зависел от профессии, квалификации, возраста рабочего, времени года. За особо трудную и «излишнюю» работу монастырь выдавал дополнительные деньги — «в потешенье». По степени мастерства квалифицированные рабочие делились на «статьи» (I, II, III). Почти все орудия труда, которыми пользовались рабочие, принадлежали монастырю, лишь квалифицированные рабочие иногда имели собственные инструменты.

Среди рабочих, нанимавшихся на строительство, значительную часть составляли крестьяне самого Александро-Невского монастыря, но условия найма при этом ничем не отличались от условий найма посторонних монастырю людей. Наемные рабочие, помимо экономической зависимости от монастыря, были также связаны некоторыми формами внеэкономического принуждения, такими, как порука и подсудность монастырю.

Итак, даже обращение к трем видам источников из вотчинного фонда дает новые интересные материалы для изучения вопроса о наемном труде. Поэтому использование источников вотчинных фондов для исследования этого вопроса совершенно необходимо.